Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 89–97. DOI: 10.17223/15617793/441/12

УДК 111.33

И.В. Красавин

ГИПЕРРЕАЛИЗМ И ПРЕДЕЛЫ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Анализируются возможности представления содержания мышления – формальные абстракции и общие понятия – как реальные объекты, не зависимые от разума. Ключевым допущением является экстериорность реальности разуму не только в виде материи или энергии, но и в виде сингулярно существующих абстракций (идей). Предполагается, что, обладая самостоятельным существованием, абстракции не репрезентируют сущность объекта, а имитируют его. Опыт и абстракция неоднородны, это разные вариации, а не степени реальности.

Ключевые слова: абстракция; единичность; сингулярность; имитация; виртуальность; экстериорность; реальность; объект; вещь; концепт.

(Не)соответствие, (не)противоречивость

Обращение к концепции гиперреализма происходит в контексте споров о реальности, истине, объективности, рациональности науки и философии. Эти споры, говоря крайне обобщенно, состоят в обосновании рационального знания в условиях значительных противоречий, с которыми сталкивается претензия на объективность – отождествление объектов знания с объектами природы / общества как реальными и независимыми от разума. Последнее предполагает картезианский дуализм материи и духа, способность разума быть вне природы и, имея в действительности предметом лишь самого себя, высказывать истину, исходя из непротиворечивости суждений и видимого соответствия природным объектам. Разум, реализуя в абстракциях производящую способность мышления и познавая с их помощью мир природы, как правило, испытывает недоверие к ним. Даже Платон, первым поставивший эту проблему, для придания реальности идеям был вынужден причислить их миру идеального, а не человеческого бытия и превратить знание идей в припоминание.

Как всегда впервые и навеки, у Аристотеля определение меры реальности происходит через соответствие и непротиворечивость, подчинив абстракции финалистской связи с индивидуальными материальными объектами. Хотя мыслить и быть – одно и то же, абстракции уступали в степени реальности материальным объектам по причине того, что сами абстракции индивидуальности не имеют. «Первая сущность», единичное обозначает дискретные материальные объекты, соразмерные человеку как познающему их виду. «Вторые сущности» общих понятий, виды и роды, не индивидуальны и потому без непосредственной связи с индивидуальной вещью не имеют смысла, а следовательно, и существования. Виды и роды представляют собой ряд убывания способности абстракций обозначить сущность, превращаясь на уровне рода в простое понятие, наподобие знака или метки [1. С. 3–6]. Другая линия инструментального использования абстракций была развернута в силлогистике, подчиняя абстрактные объекты логике тождества как соответствия сущности – исчерпывающему определению природы объекта. Сингулярный характер абстракций, их способность к перемене значений в зависимости от контекста, созданию смыслов и воспроизводству в коммуникации были замечены, но изгонялись как софистические уловки, призванные отвратить пытливые умы от познания истины [2. С. 21, 31].

Схоластика, воспринимая явление абстракций разуму за отблеск божественного света, продолжала трактовать их преимущественно как образования, вторичные от эмпирических объектов либо как плоды воображения, по сути, фантазмы, которые являются не индивидуальными вещами, а лишь знаками, обозначающими вещи [3. С. 27–40]. Наследие Дунса Скота представляет собой пример колебаний на сей счет. «Сущее двояко, а именно – оно и сущее природы, и сущее разума. Ибо сущее природы – это такое сущее, бытие которого не зависит от души» [4. С. 38]. Дунс склоняется к тому, что фантазии разума тоже есмь сущи, но только если допустить двойственность сущего, в реальности которого мы убеждаемся ввиду его «независимости» от души[1] [5. С. 271–272].

Поскольку сущее разума не всегда кажется реальным, их демаркация выглядит следующим образом. Скот выделяет два «габитуса», или направленности, мысли и соответственно два вида объектов. Ens realis, реальное сущее, исследуется метафизикой, математикой и физикой; ens rationis, сущее разума, исследуется логикой, риторикой и грамматикой. Метафизика и математика заняты реальными объектами, поскольку их понятиям / объектам можно найти соответствия за пределами разума, будь то божественное существование или количественные отношения. Но и ens rationis также реально, если ему есть соответствие в ens realis [6. P. II–IV]. Это соответствие, следуя Аристотелю, определяется либо понятийным обозначением вещи (и отношения), либо непротиворечивостью суждения о вещах, доподлинно разуму не известных. Верно то, что Дунс Скот первым допустил существование интенциональных объектов, но сделал он это косвенно, связав меру их реальности с материальными объектами и непротиворечивостью суждения (при том что сама непротиворечивость имеет значение лишь относительно целеполагающего субъекта) [3. С. 266]. Для Скота материальные объекты обладали большей степенью реальности, нежели интенциональные. Создание интенцией интеллекта каких-либо понятий (species) не творит (creatio) их материально, а лишь производит (producere) в качестве абстракций. Это условие сохраняется и позднее, когда, начиная с Декарта, в ходе развития математического естествозна-

ния метафизика смещается к ens rationis. Индивидуальное существование принадлежит материальным объектам и разуму субъекта, абстракции же его лишены.

В философии субъекта (картезианство, немецкий идеализм, феноменология) абстракции трактуются как объективно существующий смысл, который в то же время неотделим от своей инструментальной сущности, иначе сам акт мышления проделан зря. Данный подход почти признал реальность абстракций, дал методы и примеры их описания, однако все так же оставил их в зависимости от разума (сознания) и материальных объектов. Мышление субъекта непосредственно, «из первоисточника» усматривает сущность объектов и определяет их порядок, который, впрочем, следует аристотелевскому родовидовому делению. Сущность, в свою очередь, возможна только при допущении самотождественности (непротиворечивости) абстракций и / или их соответствия внешним вещам (опыту), также самотождественным. В связи с этим проблема разума видится не в том, что порожденные им абстракции существуют автономно от его целей, а в том, что он еще не научился создавать совершенные абстракции, которые имели бы всеобщий характер хотя бы для своей предметной области [7. С. 29–64].

Однако слишком многое указывает на то, что мир абстракций, будучи неотделим от субъекта, живет сам по себе, и это (а не более или менее совершенная методология) является условием неспособности разума создать mathesis universalis. Абстрактные объекты являются одновременно частью и целым, они единичны и множественны, дискретны и континуальны, вневременны и существуют в историческом времени, принадлежат разуму и находятся в отношениях значения автономно от финалистских устремлений субъекта. Ограниченность соответствия понятий и объектов, противоречивость обобщающих суждений и родовидовой структуры абстракций были очевидны уже Аристотелю на примере определения «науки о сущем», но решение этой проблемы так и не было предложено [8. С. 108, 119, 188]. Вследствие их экстериорности субъекту абстракции содержат онтологические противоречия между суждением, субъектом и объектом высказывания, которые «очевидно» являются трансцендентальными условиями их существования.

Двойственные отношения разума с реальностью вызваны сингулярной природой абстракций: они являются определенными, но только в пределах каких-то отношений, совмещая единичность определения и множество состояний. Прежде всего это касается онтологического статуса основных для каждой предметной области понятий и их отношений: существуют ли они как вещи или нет. Общие понятия (и их разновидности), будь то «слово», «природа», «число», «материя», «время», «общество», «сознание», «рынок» и подобные, не дедуцируются из других понятий, а просто вводятся как метафоры, наделяемые необходимыми значениями по мере надобности. Залогом самотождественности понятия оказывается его беспредпосылочность. Причиной этого затруднения является юмовская проблема индукции, то есть невозможность непротиворечивого обобщения на основе индуктивных заключений. Идеал рационального знания предполагает необходимость его полной аксиоматизации с последующим дедуктивным развертыванием, дабы гарантировать строгость рассуждений (вычислений). Однако искомая строгость всегда оказывается конечной, ограничиваясь отдельной предметной областью или типом объекта.

Образец наибольшей строгости, наука об ens realis, математика с самого рождения является множественной, а операции с разными типами чисел не дедуцируются друг из друга. Невозможность ее полной формализации указывает на то, что даже она в строгом смысле не рациональна и ее содержание не развертывается последовательно и непротиворечиво из общего набора аксиом. Раз нет общего основания, значит, есть много разных математик, каждая из которых предполагает свою логику (ens rationis) и создает свои объекты индуктивно [9. С. 12–17]. Абстрактная система значений, исходя из правил, заданных разумом, самоорганизуется автономно от него, обнаруживая парадоксы и конечность содержания. Геометрия, будучи дедуктивной, в первую очередь является плодом внешнего опыта, отношения к объектам, и опыт разных объектов дает разную геометрию [10. С. 45–46]. Опыт, даже если это опыт умозаключения – шаткое основание, ибо является частным, ограниченным свойствами / значениями конкретных объектов / абстракций, универсальные онтологические определения которых – логика и причинно-следственные связи каких бы то ни было «первичных элементов» – отсутствуют. Отсюда следует невозможность тотальной непротиворечивости (при множестве частных случаев непротиворечивых суждений) в силу разнообразия типов объектов.

То же самое справедливо и в отношении естественных и уж тем более общественных и гуманитарных наук, которые, несмотря на свою строгость, в некотором роде произвольны, поскольку их исторический генезис (и претензия на окончательную версию реальности) ограничен позицией наблюдателя и доступными объектами. «Законы природы», как и «законы общества», ничего не говорят о сущности природы и общества: их функция состоит в организации полученных данных и определении порядка процессов. В них используются понятия и величины, принимаемые в качестве истинностных и полученные спекулятивно, тогда как прикладная наука знает только действительные величины и множество опытных моделей, создаваемых как ноу-хау. Верифицируемая реальность – это не соответствие, а приближение, статистически измеряемая величина отклонения наблюдаемых объектов от спекулятивных истин [11. P. 107; 12. P. 123]. Здесь имеется в виду, что в каком бы виде разум не подступался к изучению реальности, «картина мира» останется контингентной, настолько же необходимой, как и случайной. Это не означает, что существующая наука неверна или что сформулированные ею законы не являются таковыми. Это значит, что могут быть обнаружены другие объекты с другими типами связей и, естественно, другие законы и другие предметные области уже известных объектов. Законы непроизвольны, но объекты произвольны, в

связи с чем любая форма умозаключения о них так же становится единичным объектом, а не универсальной истиной. Эта контингентность связана не со случайностью, а с множественностью объектов, в ряду которых находятся и абстракции.

Любое последовательно строгое знание рано или поздно сталкивается с контингентностью как метода, так и объектов. Формализм эмпирических наук, будучи аналогией движения во всех его видах, описывает идеальное взаимодействие изолированных объектов, однако он испытывает затруднения в описании реальной множественности форм и движений конкретных объектов. Та же проблема всплывает при попытке формализовать абстрактную рефлексию, оперирующую множественными значениями. По мере усложнения объекта его описания начинают множиться, обрастать двусмысленностями и исключениями. То, что выглядит как точное отражение реальности, является аналогией, вполне продуктивной, но неизбежно ограниченной и вероятностной, т.е. воображаемой на основе допущения «тождества неразличимых». Аналогия представляет собой метод обхода частного статуса индуктивных умозаключений при помощи воображаемой дедукции исходных посылок. Порожденные таким образом высказывания о реальности объектов становятся частными генерализациями (конкретными универсалиями), которые не усматривают сущности объектов, а имитируют их существование, стараясь превзойти природу в степени совершенства – простоте и строгости.

Разум воображает и выражает исследуемые процессы, а не умозрит их сущность, и, тем не менее, он претендует на истину реальности. Эта претензия основывается на способности к манипуляции объектами при помощи имитационных теоретических моделей [13]. Здесь сходятся взаимно противоречивые, но обосновывающие друг друга методы познания. В то время, как поиск фундаментальных теорий исходит из необходимости / предзаданности полной аксиоматики реальности, технический поиск прикладных решений эклектичен. В одном случае истина рассматривается как соответствие (сущность), а в другом – в виде когерентного добавления ad hoc. Переход от когеренции к умозрению сущности происходит через манипуляцию объектом, нахождение субъектом его границ, т.е., посредством очевидности, которая становится соответствием. В этом суть «механического доказательства» Галилея – Декарта, которое приравняло манипуляцию материальным телом к идеальной математической мере [14. С. 255–256]. Но манипуляция ничего не говорит о сущности, а в субъектной очевидности нет ничего «объективного». В этом смысле «объективная реальность» представляет собой имитацию, условность которой в той же мере изображаема в аналогии, в какой верифицируема в опыте. В то же время у нас нет причин отказывать разуму в «прямом доступе» к реальности. Проблема не в доступе, а в экстериорности конечных абстракций, которые не являются в полной мере ни «отражением» реальности, ни ее воображаемым «конструктом», – они и есть реальность.

Конечность свойственна не только эмпирическому опыту, но и абстракциям, включая те, чье значение полагается актуально бесконечным. Под конечностью здесь понимается определенность – наличие границ значений, пересечение которых создает разные эффекты взаимодействия. То есть конечность делает абстракции существующими так же, как вещи, указывая на то, что их свойства зависят не только от собственных значений. Перефразируя Фуко, можно заключить, что на реальность абстракций указывают не соответствие и непротиворечивость, а противоречия, границы и парадоксы [15. С. 36–37]. Абстракции сингулярны и предполагают различные комбинации актуальных для субъекта значений и виртуальных семантических границ. Сочетание конечности и сингулярности абстракций затрудняет их толкование как соответствия. Деление объектов на более и менее реальные (конкретные и абстрактные) является лишь одним из методологических допущений, отождествляющим наше знание об объекте с полнотой его свойств. Целью этого допущения может быть только выделение отдельных свойств объекта, а не придание объекту меры реальности как таковой. Бесконечность сущего, встречаемого в каком бы то ни было опыте, нельзя приписать никакой (отдельной) единичной области соответствующей семантики. Оно не поддается объективации, ни в виде моделей движения, ни в виде моделей мышления. Поэтому, строго говоря, судить о мере, степени реальности, сравнивая одни конечные объекты с другими, невозможно, каким бы изощренным ни был метод, можно лишь выделить различные виды реальности.

Обладая самостоятельным существованием, абстракции не репрезентируют сущность объекта, а имитируют его. Разумеется, понятно, что реальность мышления и природы различна: пять талеров в кармане и в уме – это разные талеры: одно не превратится в другое. Опыт и абстракция неоднородны, это разные вариации, а не степени реальности. Абстракции (понятия и числа), будучи умозрительными, всегда находятся в отношениях значения и смысла, автономных от разума. В таком виде любой объект первичен по сравнению со знанием о нем, даже если это не более, чем гипостазирование. Абстракции конечны в силу своей множественности и экстериорны разуму, который привык принимать их не только как данность, но и как средство. Предположение об одновременном порождении абстракций разумом и их внешнем, автономном существовании означает, что разум, cogito, является реляционным. В свою очередь, абстракции открываются / воображаются / имитируются именно потому, что они принадлежат природе, а не субъекту, как и сам разум.

Тезис о реальности конечных абстракций подтверждается, как это ни смешно, имплицитным номинализмом, свойственным исторически существующему познанию, что всегда оставляет место новому опыту и новым теориям. В своей практике мышление принимает множественную реальность как данность, внутри которой при помощи аналогии наблюдаются и создаются разнообразные абстрактные регулярности. Несмотря на то что содержательно развитие корпуса

знаний в любой предметной области обусловливается несколькими основополагающими теориями, первичными остаются объекты, а не аргументы, которые при случае подгоняются к явлениям. Познание реальных объектов имеет мало общего с дедуцированием и кумулятивным накоплением знаний. Скорее, оно представляет собой разностороннюю миграцию информации (не всегда доступной), идей (не всегда понятных или ценностно приемлемых), социальных связей (разной степени плотности и протяженности), экспериментов (не всегда осуществимых и всегда пробных). Эти гетерогенные условия определяют эволюцию содержания предметных областей и семейств моделей объектов в качестве ассоциативных множеств, т.е. сингулярных существований, а не номенклатуры данных [16–18].

И эмпирия, и абстракции онтологически единозначно принадлежат природе, а не являются ее истинной или ложной версиями, заслоняющими одна другую. В этом случае мышление предстает аналогией эмпирического опыта не содержательно (это свойство доступно лишь частично), а по факту существования, и созданные им объекты так же независимы от разума, как и объекты природы. Абстрактные объекты – первое, с чем сталкивается разум, и то, из чего он себя содержательно производит [19. С. 78–81]. Погоня за сущностью не имеет финала и не приближает субъекта к вещам, а заставляет его множить семейства объектов. Из одних и тех же значений конструируются разные абстракции, как множество мер из понятия числа и множество нарративов из одной фактуальности исторического процесса.

Если мы возьмем частные понятия, типа ядро – полупериферия – периферия» или фрактал, то обнаружим их в любых популяциях (совокупностях дискретных объектов): звезд, генов, людей или организаций. Любимое трехчастное деление (тезис – антитезис – синтез) может быть применено к любому множеству темпорально структурированных отношений. Очевидно, что это свойство субъектного разума, а не внешнего окружения, однако это не мешает относиться к ним, как к реальным. Разные абстракции, налагаемые на одни и те же «материальные» и «социальные» объекты, дают совершенно разную картину и предполагают разный инструментарий. Так понятие материи раздваивается на поле и вещество, которые исследуются разными теориями и демонстрируют разные объекты и свойства, хотя то и другое суть одно. То же происходит и с понятием общества, которое распадается на экономику, культуру и политику, состоящие из одних и тех же связей одних и тех же людей. Разум видит только посредством абстракций, с помощью которых симулируются объекты. Он полагает их интенционально направленными на объекты, тогда как в действительности абстракции, скорее, «оперативно замкнуты» на самих себе. Объект, поэтому, раскрывается не сам по себе, а только в зависимости от того, какая абстракция используется для его имитации.

Наблюдательная позиция разума, занимаемая в ходе абстрагирования, не выводит его из подчинения природе (или, говоря обобщенно, реальности). Абстракциям находится соответствие не в силу визионерской мощи разума постигать истину, а в связи с тем, что все, до чего разум может додуматься, уже содержится в реальности. Видение абстракций как инструментальных фантазий, всецело находящихся в распоряжении субъекта и дающих знание о сущности явлений, – не более чем иллюзия. Двойственность абстракций, их неосязаемость, метафоричность и контринтуитивность не делают их вторичными по сравнению с природными объектами, поскольку последние, данные в обыденном опыте геометрически трехмерных физических макротел, не являются образцом. Природа вообще не знает никакого онтологического образца. Поэтому у субъекта и нет никакой привилегированной позиции по отношению к собственному мышлению и поэтому идеальная непротиворечивая абстракция – как идеальное соответствие – недостижима. Более того, правила аксиоматически-дедуктивного вывода в таком случае оказываются для организации абстракций одним, но не единственным способом (что не отменяет требований строгости, предъявляемых научной и философской рефлексии). Другим способом является описанная Юмом ассоциативно-индуктивная организация, в виде множественной ассоциации и дифференциации целых и частей абстрактных объектов (идей) [20. С. 76–81]. Такая связь предполагает гетерогенную сборку отношений объектов, каждое из которых (отношений) является друг для друга внешним и непреднамеренным, контингентным.

Онтология абстракций

Трудность отождествления абстракций с сущностью объектов (или придания им самотождественности) заключается в том, что сущность, постигаемая в опыте сущего, мыслится как сверхсущее основание, которое, само не имея референта, определяет существование обозначаемых ею конечных объектов [21. С. 70–86]. Однако фактическое существование не выводится из сущностного определения, наоборот, последнее нуждается в существенных признаках объекта. В связи с этим история сущности представляет собой бесконечную подгонку понятия под объект. Толкование понятий мышления как воображаемых сущностей, из которых невозможно вывести фактического существования ни материальных, ни абстрактных объектов, ведет к антиномии разума, вследствие которой мы можем признать реальность (действенность) «непостижимой эффективности» использования абстракций в описании объектов, но реальности самих абстракций признать не можем [10. С. 363]. И наоборот, признавая собственное существование абстракций, которые выражают, имитируют, но не определяют / обосновывают объекты, мы уходим от этих бесплодных противоречий.

Абстракции, конечность которых обусловливается их многообразием, реляционны и существуют в виде отношений. Хотя мы привыкли считать объекты мышления самотождественными, уже опыт их инструментального использования говорит об обратном: полнота свойств значения не известна заранее. Нет

значения самого по себе, есть значение как отношение к чему-то (другому значению). Порождаемые значения получают свое содержание благодаря границам с внешним: исследуемыми (неизвестными) объектами и уже имеющимся смыслом. Опыт отношений экстериорен, включая опыт абстракций; разум только инициирует его, но не подчиняет, поскольку сами отношения создаются различием. Таким образом, реляционность не тождественна корреляции, которая так заботит Мейясу, хотя и свидетельствует о «доступе к реальности».

Здесь имеется один занимательный момент. Относительно различия уже давно есть консенсус в том, что оно непредставимо. Различие – это всегда различие чего-то, а не само по себе. Напротив, тождество принято считать явлением объекта как такового, который затем различается в отношениях. «Как таковой» означает сущностное единство объекта. Однако Дунс Скот, следуя единозначности (унивокации) бытия «двоякого сущего», отмечает, что единое – это не тождество. «...единозначное понятие есть то, которое до такой степени едино, что его единства достаточно для противоречия, когда оно (это понятие) утверждается и отрицается о том же самом» [4. С. 407]. Речь в этом известном высказывании идет не о тождестве единства, а о том, что утверждать или отрицать что-либо можно только об определенном (единичном, конечном, конкретном) понятии. Причастность к единому создает единичность, любой объект в силу своего существования. Единое есть единство объекта как именно этого объекта, а не другого, т.е. всякий объект, определенный как именно этот и никакой другой, обладает индивидуальным существованием, являясь тем самым частью единого сущего [6. С. 36]. Единое, следуя терминологии Скота, формально. Оно указывает на определенность единичных объектов как обладающих собственным существованием, а не замещает их некоей более истинной природой.

Вовсе необязательно следовать гегельянскому пониманию единого как снятия всех различий в тождестве абсолютной идеи. Тождество дифференциально уже потому, что устанавливается в отношении и является частным случаем различия. Движение смысла, как подчеркивает Хайдеггер, может и не идти путем слияния тезиса и антитезиса в снимающем противоречия универсальном синтезе. Множественность значений скорее предполагает гетеротезис мышления, иначе говоря, дифференциацию, взаимное определение объектов: одно всегда дается с другим [7. С. 33]. В дифференциальных отношениях самотождественность объектов (или субъекта) номинальна, поскольку они множественны и реляционны. То, что условно называют тождеством, представляет собой гетеротетическую рекурсию подобий – воспроизведение объекта в разных сериях последовательности отношений.

Несамотождественность единого влечет за собой признание того, что единое (общее, универсальное), и единичное (частное, партикулярное) являются атрибутивными признаками реальности, познаваемой в качестве «вещи», самостоятельного существования. Единое и единичное представляют собой частные генерализации, или имитации. И если мы отвергаем единство как тождество, или, по-другому, первичность одного образца реальности и вторичность другого, нам придется принять не сущность, но подобие объекта. Подобие здесь дается как различенный в каком-либо аспекте объект (все его значения между тождеством и различием). Это подобие без образца; такой объект становится множеством различенных подобий, или серий различий. Полная индивидуальность объекта недостижима, ибо он всегда находится в отношениях и может бесконечно различаться [22. P. 4–16]. Свойства каждого объекта самого по себе (вещи) не имеют значения без других объектов, с которыми он соотносится. Полностью изолированный объект не имеет свойств и не может исчерпывающе характеризовать свою реальность как объективную.

По сути, это означает признание реальности атрибутов (частей) как существующих единичностей по аналогии с «первой сущностью» Аристотеля: вещами, индивидами, монадами, обладающими нередуцируемым существованием, иначе называемым «этовостью». Конечность любого «этого» существования обусловлена различием с другими существованиями. Несуществование конечно, поскольку «объект как таковой» един и определен, напротив, объект определен, упорядочен и един, поскольку его существование дифференцировано с существованиями других объектов. Если бы был «объект как таковой», «сам по себе», его существование было бы бесконечным, будучи предопределенным своей сущностью. Реляционность объекта, который образуется в виде скопления отношений с различиями в их последовательности, является условием конечности множественной вещи и наоборот. Поскольку сингулярное существование вещи предшествует сущности, оно мультимасштабно. Атрибуты «превращаются» в вещи (так же как свойства становятся объектами) различиями масштабов, каждый из которых предполагает свою форму сборки отношений.

«Этовость», согласно Скоту, – формальная композиция вещи, принцип ее индивидуации [4. С. 437]. Необходимо оговориться, что этовость, haecceitas, согласно Скоту, есть не результат композиции, а ее условие. Этовость для него является отдельной формой, которая, соединившись с единичной материальной формой, образует определенный, «вот этот» объект. В данном исследовании, напротив, формальная определенность вещи является результатом композиции, которая разворачивается не как предзаданная сущность, а как самоорганизующийся процесс. «Формальное различие», distictio formalis a parte rei, различает, но не создает реальной множественности (для Скота было важно сохранить приоритет за ens realis), однако оно может пониматься и как эффект – дифференцированное качество, вызываемое с разных сторон, гетеротезис, определяемый как минимум двумя значениями [23. С. 254]. Единичное существование, будучи уникальным, не передаваемым никому сущим, создается эффектом различия и воспроизводится повторением, становясь, таким образом, множеством подобий, взаимоопределяемых относительно друг друга. Единичный объект здесь оказывается переходом, отношением между различными формами одного

существования и / или между разными существованиями вещей, т.е., сингулярностью [24. С. 80–87].

Сингулярное существование не привязано к субстрату. Любой объект может быть рассмотрен как единичный (индивид) и как множественнный (совокупность), и процесс существования тогда представляет собой не только переход от начала к концу, но и, главным образом, соотнесение значений. Различение отношений и совмещение свойств, благодаря чему объекты приобретают свою определенность, представляет собой их взаимное непреднамеренное интендирование. Иначе это может быть названо производством объектов без цели, что происходит в отношениях интенции без целеполагания (случай целеполагающей интенции является частным). Объекты создаются эффектом наложения различий, которые, будучи каждое в отдельности формальным, т.е. различиями семантических границ, налагаются одно на другое и образуют разные природы объектов. Свойства объектов заранее предполагают типы (не)соразмерных отношений и форм, в которых они могут (не)реализоваться. Множественная организация (в виде одновременной дифференциации / ассоциации) предполагает невозможность приведения значения к однозначному соответствию, а следовательно, невозможность выделения привилегированного описания или привилегированного типа объектов.

Отношения разума и объектов представляют собой дифференциацию, т.е. взаимное определение друг друга. В таком случае различие трансцендентально – это условие возможности существования реальных объектов. Экстериорность существований делает невозможной их редукцию к перечню онтических причинно-следственных связей или формальным определениям, их создавшим. Причина не является обоснованием, это всего лишь другое существование. Безусловно, выявление причин необходимо для понимания связей и свойств объекта, но поскольку и причина, и следствие (определение объекта и сам объект) являются существованиями, онтологически они независимы друг от друга. Причина не способна заместить собою следствие, выступая по отношению к ней сверхсущим основанием. Ни причина, ни цель, ни представление сами по себе не могут определить объект, поскольку создаются вместе с ним – сущность определяется не по конечному состоянию, а по историческому существованию объекта (не только как целого, но и всех его атрибутов) [25. P. 186–187].

Определяемое таким образом существование является гетерогенным, а отношения, которые структурируют его, представляют собой виртуальную параметрическую сеть, в которой свернуто множество возможных форм и значений. Не случайно выше было сказано о разных природах объектов. Множественное определение причинно-следственных связей предполагает, что процессы формирования объектов, будь то сворачивание белков или поведение социальных акторов, выходят за пределы отдельно взятого предметного поля и затрагивают множество пересекающихся полей. Белки одновременно являются топологическими объектами, квантовыми волнами / частицами, популяциями атомов, молекулярными соединениями и последовательностью генов; акторы совмещают в себе характеристики индивидуальных эго, коллективных совокупностей, стадных автоматов и рациональных субъектов, разумное суждение которых легко превращается в символ веры, и наоборот.

Сообщества и индивиды – примеры параллельного, или виртуального, существования реальных объектов. Индивиды не воспринимают общество как единый объект и подменяют его представлением локальных значений, все признаки общества оказываются косвенными. Точно так же организм как биохимическая система и тело как социобиологический агент виртуальны друг для друга. В том же отношении виртуальности находятся абстрактные и «материальные» объекты, существуя в виде оборотной стороны своего Другого. И точно так же абстрактные объекты виртуальны друг для друга. Имеем ли мы дело с естественным языком или формальными системами, мы можем наблюдать вариативность последовательностей значений у одних и тех же объектов, создание из одних и тех же абстракций разных порядков отношений. Каждое из предметных полей для объекта оказывается виртуальным – не находящимся в непосредственной причинной связи, но вызывающим эффект соответствующего различия. Сами объекты в таком случае становятся сложными, образуя гетерогенные сборки, или композиции из разных атрибутов. То, что в одном аспекте воспринимается в качестве законченного объекта, в другом уступает атрибутам статус единого целого.

Виртуальность, вбирающая в себя формальные различия, представляет собой пространство совозможных, непреднамеренных отношений, в котором объект реализует свои состояния. Со-возможность множественных отношений делает недостижимой исчерпывающую редукцию природы / значений объекта к уже известным причинно-следственным схемам. Это, однако, влечет за собой не скептицизм, а отказ в том, чтобы считать какую-либо схему привилегированной, не отказывая ей в то же время в реальности существования. Обозначая онтологическое качество, виртуальность является эпистемологическим понятием, выражающим вариативность реальности «с точки зрения» субъекта. Дунс Скот замечает: «Что же касается несовершенного знания, которое оно [действующее] создает, то в нем виртуально содержится то совершенное знание, причиной которого был бы познанный в себе объект» [4. С. 117–119]. Если в исходные аксиомы входят все возможные выводы, то туда же входят и все возможные парадоксы. Границы объекта полагаются уже его понятием, хотя могут оставаться неизвестными субъекту. Все возможные выводы делаются при наличии всех возможных объектов, способности и свойства которых появляются вследствие экстериорной соотнесенности отношений, а не «зашиты внутри» в виде кода или чего-то там еще. Субъект наблюдает их уже готовыми, как если бы появление объекта было подчинено некоей цели или одно свойство заранее предполагало другое. Однако финализм обратной реконструкции объекта является таковым только для познающего субъекта. Актуализация свойств объектов множественна и проис-

ходит благодаря виртуальному присутствию совозможных отношений (в пределах контекста – параметрической сети значений и форм, которые сами могут быть рассмотрены в качестве объектов).

Формальные различия суть не что иное, как виртуальные сингулярности, актуализирующие границы в виде конкретного («этого») объекта в контексте всех его возможных отношений. Таким образом, виртуальные сингулярности предстают трансцендентальными отношениями объектов, которые для них (объектов) являются априорными [12. С. 113–114]. Они не являются исчерпывающими характеристиками субстрата, поскольку заранее неизвестны и открываются в ходе манипуляций с объектами, когда обнаруживаются их новые или непонятные свойства. Монадическое распределение виртуальных сингулярностей собирает множество параллельных существований сложных объектов. Процесс сборки, она же индивидуация, – это морфогенез значений и свойств, в ходе которого изменение формы / значения объекта идет через экстериорную организацию отношений, совпадая с эволюцией его внешнего окружения (контекста) [25. P. 184–201; 26. P. 297–319]. Обратной стороной данной дифференциации является взаимное уподобление объектов. Таким образом совмещаются (возможная) дискретность объектов и непрерывность их взаимного изменения. Виртуальность сингулярного существования указывает на то, что сопредельные процессы и значения являются не прямой причиной отношения/действия/значения/свойства, а условиями, предполагающими соответствующие формы организации.

Примером такой сборки являются сами нарративы и системы («популяции» в терминах Деланда) абстракций. Если взглянуть на формирование абстрактных объектов и образование ими предметных областей коммуникации и познания как на исторический процесс их самоорганизации, можно предположить, что системы и нарративы абстракций используют рефлексию человеческого разума для собственного воспроизводства. Не только субъект (сознание, наблюдатель) прорывается к предметам и «вещам», но и реальность в виде интендированных объектов производит себя с помощью субъекта. Нарративы и системы абстракций, как и «материальные» тела, организуются и статистически группируются относительно друг друга, существуют параллельно человеческим сообществам, воспроизводясь посредством социальной передачи знаний.

Результатом является формирование групп семантических полей, которые, априорно существуя вне человеческого времени, создаются субъектом в темпорально структурированном процессе познания. С точки зрения субъекта люди передают объекты мышления друг другу и создают из них содержательные нарративы; с «точки зрения» внешних объектов, наоборот, абстракции, подобно вирусам, распространяются при помощи переносчиков (людей), захватывая их воображение и образуя популяции систем и нарративов. Реальность состоит из множества параллельных существований, само присутствие и конечность которых (что делает возможным восприятие) для субъекта совсем не очевидно. Вследствие виртуальности существования становится возможным толкование реальности как актуальной бесконечности, единой (единозначной) по сопричастию, но состоящей из множества единичных (конечных) объектов. Бесконечность актуальна, но для конечных объектов она виртуальна вследствие их гетерогенности, что делает невозможным их однозначное сравнение. В виртуальной бесконечности возможны любые формы существования, а сингулярность уникального события – не чудо, а правило [27. С. 410–411].

Если реальность такова, как было описано выше, определение ее меры через установление соответствия и непротиворечивости суждения о сущности объекта становится невозможным. Вместо этого придется принять мимезис абстрактного мышления. Значения, которыми оперирует интеллектуальная рефлексия, всегда создаются множественными и контингентными, а их организация экстериорна субъекту. В таком случае, действительно, от претензий на сущность необходимо отказаться. Отношения значений и смыслов, которыми в мышлении определяются объекты, представляют собой подражание, частичное или полное подобие. Тождество значений, которое преследовала рефлексия (не)классической философии, предполагало прекращение мысли за счет нахождения истины и закрытия вопроса о реальном. Но каковы бы ни были хитроумные процедуры верификации, все это остается не более, чем тяжеловесной риторикой. Напротив, определение объектов через подобия и различия значений не отказывает онтологии ни в риторичности, ни в реальности.

Условиями самоорганизации значений мышления являются рекурсия подобий и мимезис ноэзиса. Эго субъекта присваивает создаваемые мышлением смыслы посредством их локального отождествления как своих собственных. Но повседневная неустойчивость субъекта во взглядах опровергает этот стереотип: субъект является источником суждения, а не мышления. Вследствие экстериорной организации абстракций их гетеротезис производит двусмысленный смысл, которому для своего существования не требуется исходного тождества. Результатом действия рефлексивного мимезиса является язык, любая самоорганизующаяся знаковая система. При этом не только образуемые в языке смыслы онтологически миметичны. Сам по себе язык представляет собой аналогию «материальной» природы, такой же множественной и виртуальной, как и абстракции. Метафора есть не что иное, как топологическая сборка отношений / значений [28. С. 199–221] как вследствие самой операции сравнения, так и ввиду подразумеваемых смыслов, которые прямо или косвенно включают пространственные отношения. Понятия и сравнения суть семантические сборки аналогично отношениям пространственных объектов и симулируют неязыковые события. Миметичность семантического поля делает возможным само отношение значения, которое является отношением без целеполагающей интенции.

Мимезис рефлексии неизбежен, если принимается возможность одновременной единичности и множественности (абстрактных) объектов. Множества подобий упорядочиваются в серии различий, имитируя

(непосредственно или через дополнение) контекст определяемых свойств. Если сущность несамотождественна, определение ее понятия всегда будет содержать противоречие [29. P. 141–144]. Поэтому сущность реального объекта (вещи) – это концепт, множественные значения и смыслы которого взаимно определяются; (дифференцируются) в процессе рефлексии. Концепт – это, буквально, собирание, сборка различенных значений, форма их организации. Он не схватывает, а производит смысл, а вместе с ним и сущность (не)определимой вещи [5. С. 468–469; 30. С. 25–36]. В этом смысле задача философской рефлексии – по преимуществу создание концептов, а не поиск истины, так как любая истина, претендуя на всеобщность, носит частный характер, иначе говоря, является имитацией, а в таком виде – частью какого-то концепта.

Поскольку объекты суть сборки, совмещения, ассоциации существований, их языки описания должны быть множественными. Объект бесконечно приближается к сущности вещи, номинально тождественной (чтойной), но множественной вследствие своей реляционности. Всякая вещь развернута многим реальностям существования, структурированным различиями подобий. Хотя мы можем условно свести одну форму объекта к другой (например, биологический вид – к его генетическому устройству, социального индивида – к нормативной структуре, многообразие треугольников – к «треугольнику вообще» и т.д.), заместить существование какой-либо формы невозможно. В каждой из версий реальности вещь демонстрирует различные объектные свойства, которые друг для друга являются условиями возможности существования. Вот почему сущность концептуальна, а рефлексия миметична. «Первая сущность» представляет собой абстракцию, понятие о вещи, но в этом понятии выражено то, что разум может принять только в качестве парадокса очевидности – независимое от разума существование объекта, даже если этот объект – его собственная фантазия. Здесь нет «настоящей природы», которая бы предписала истинную форму объекта, но есть множество гетерогенных отношений, определимых концептуально, в качестве совозможных (виртуальных) значений и смыслов.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Инициатором видения сущего «двояким» был Боэций, использовавший понятие субсистенции (subsistentia), которое толкуется как предсуществование, пребывание. Субсистенция реальна, но не однородна с экзистенцией, она предсуществует экзистирующим вещам, которые благодаря предсуществующим, или извечно пребывающим, несотворенным универсалиям получают возможность быть. Универсалии, как и Бог, существуют сами по себе (субсистируют), материальные же вещи существуют посредством чего-то другого. Субсистенция самотождественна, а экзистенция гетерогенна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Категории. С приложением «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля. М. : Ленанд, 2016.
2. Кассен Б. Эффект софистики. М. ; СПб. : Московский философский фонд ; Университетская книга ; Культурная инициатива, 2000.
3. Перлер Д. Теории интенциональности в Средние века. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.
4. Майоров Г.Г. Дунс Скот как метафизик / Блаженный Иоанн Дунс Скот. Избранное. М. : Издательство Францисканцев, 2001.
5. Неретина С., Огурцов А. Пути к универсалиям. СПб. : РХГА, 2006.
6. Heidegger M. Duns Scotus' Theory of Categories and of Meaning. Translated From the German and with Introduction by Harold Robbins. A Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School, Department of Philosophy, De Paul University. 1978.
7. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009.
8. Аристотель. Метафизика: Сочинения в четырех томах. М. : Мысль, 1975. Т. 1.
9. Клайн М. Математика: утрата определенности. М. : Мир, 1984.
10. Пуанкаре А. О науке. М. : Наука, 1983.
11. Cartwright N. How the Laws of Physics Lie. Oxford : Clarendon Press, 1983.
12. Delanda M. Intensive Science and Virtual Philosophy. London ; New York : Continuum, 2002.
13. Хокинг С., Млодинов Л. Высший замысел. М. : Амфора, 2012.
14. Гайденко П. Научная рациональность и философский разум. М. : Прогресс-Традиция, 2003.
15. Фуко М. Археология знания. СПб. : ИЦ «Гуманитарная академия», 2004.
16. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри сообщества. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013.
17. Delanda M. Philosophical Chemistry: Genealogy of a Scientific Field. Bloomsbury Academic, 2015.
18. Dupre J. The Disorder of Things. Metaphysical Foundations of the Disunity of Science. MA : Harvard University Press, 1995.
19. Meinong A. The Theory of Objects. trans. Isaac Levi, D.B. Terrell, and Roderick Chisholm // Realism and the Background of Phenomenology / ed. Roderick Chisholm. Atascadero, CA : Ridgeview, 1981.
20. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая. О познании // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1996. Т. 1.
21. Керимов Т.Х. Гетерология, однозначность бытия и имманентность философии // Пунктуации: складки времени : сб. науч. ст. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013.
22. Simondon G. The Position of the Problem of Ontogenesis // Parrhesia. 2009. № 7.
23. Делез Ж. Различие и повторение. СПб. : Петрополис, 1998.
24. Делез Ж. Логика смысла. Москва : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998.
25. Delanda M. Philosophy and Simulation: the Emergence of Synthetic Reason. London ; New York : Continuum, 2011.
26. Simondon G. The Genesis of the Individual // Incorporations / Crary J., Kwinter S. (eds). New York : Zone Books, 1992.
27. Кунин Е. Логика случая. М. : Центрполиграф, 2014.
28. Том Р. Топология и лингвистика // Успехи математических наук. 1975. № 30:1 (181).
29. Finn S. Metametametaphysics and Dialetheism // Australasian Journal of Logic. 2017. Vol. 14, № 1.
30. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб. ; М. : Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 1998.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 19 января 2019 г.

Hyperrealism and Limits of Metaphysical Thinking

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 89–97.
DOI: 10.17223/15617793/441/12

Igor V. Krasavin, Ural State University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: krasavin.i@gmail.com

Keywords: abstraction; single; singularity; imitation; virtuality; exteriority; reality; object; thing; concept.

The aim of this paper is an analysis of opportunities for representation of the content of thinking – formal abstractions and general notions – as real objects, autonomous of the subject's mind. This conception has been named hyperrealism, as it combines simultaneous assumptions of the real existence of abstractions and of the exteriority of real objects to a subject. Being a conceptual oxymoron, hyperrealism treats the relations of mind and reality beyond the oppositions of ideal – material, abstract – concrete, objective – subjective, single – multiple and so on. Hyperrealism follows the literal reading of the notion of "this very" "thing": the essence of the thing is determined by existence and is not ready-made; the thing exists independently of mind; reality is an endless universum of finite things. Abstractions do not signify essences of some more real objects, but imitate them in their own existence. Along with the axiomatic-deductive mode of organization, they are characterized by associative-inductive reproduction. The question of the real existence of exterior abstractions has been repeatedly raised in the history of philosophy and science: the controversy of sophists and philosophers, the controversy of universals, Cartesian dualism and the problem of grounding the objective knowledge. This question in this paper is discussed through an appeal to some notions of Duns Scotus' philosophy: "double being", the one, formal difference, singularity, virtuality; and their interpretations by Martin Heidegger, Gilles Deleuze and Manuel Delanda. The key assumption here is the exteriority of reality to mind as not only a matter and energy, but also in the form of singular existing abstractions (ideas). Abstractions' singular existence is made up by relations of single objects that appear as series of repetitions and differences forming manifolds of conceptual events, in which co-possible objects are virtual for each other. Since abstractions are concrete, they are finite like empirical experience. The finitude of abstractions makes them existing like things, i.e. they get their meaning from the environment. Since abstractions are finite and singular, they cannot be sufficiently interpreted as correspondence, i.e. as signs of some more real physical objects. Having their own existence, abstractions merely imitate objects rather than represent their essences. Experience and abstractions are entities of different kinds, they are variations and not (top-down) levels of reality.

REFERENCES

1. Aristotle. (2016) *Kategorii. S prilozheniem "Vvedeniya" Porfiriya k "Kategoriyam" Aristotelya* [Categories. With "Introduction" by Porfiry to the "Categories" of Aristotle]. Translated from Old Greek by A. V. Kubitskiy. Moscow: Lenand.

2. Cassin, B. (2000) *Effekt sofistiki* [The effect of sophistry]. Translated from English. Moscow; St. Petersburg: Moskovskiy filosofskiy fond; Universitetskaya kniga; Kul'turnaya initsiativa.

3. Perler, D. (2016) *Teorii intentsional'nosti v Srednie veka* [Medieval theories of intentionality]. Translated from English. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS.

4. Mayorov, G.G. (2001) Duns Skot kak metafizik [Duns Scotus as a metaphysician]. In: Johannes Duns Scotus. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Izdatel'stvo Frantsiskantsev.

5. Neretina, S. & Ogurtsov, A. (2006) *Puti k universaliyam* [Paths to universals]. St. Petersburg: RKhGA.

6. Heidegger, M. (1978) *Duns Scotus' Theory of Categories and of Meaning*. Translated From German and with Introduction by Harold Robbins. A Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School, Department of Philosophy, De Paul University.

7. Husserl, E. (2009) *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [*Ideas* for a *Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy*]. Translated from German. Moscow: Akademicheskiy proekt.

8. Aristotle. (1975) *Metafizika: Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Metaphysics: Writings in four volumes]. Translated from Old Greek. Vol. 1. Moscow: Mysl'.

9. Kline, M. (1984) *Matematika: utrata opredelennosti* [Mathematics: The loss of certainty]. Moscow: Mir.

10. Poincare, H. (1983) *O nauke* [Science and Hypothesis]. Translated from French. Moscow: Nauka.

11. Cartwright, N. (1983) *How the Laws of Physics Lie*. Oxford: Clarendon Press.

12. Delanda, M. (2002) *Intensive Science and Virtual Philosophy*. London; New York: Continuum.

13. Haking, S. & Mlodinow, L. (2012) *Vysshiy zamysel* [The Grand Design]. Translated from English. Moscow: Amfora.

14. Gaidenko, P. (2003) *Nauchnaya ratsional'nost' i filosofskiy razum* [Scientific rationality and philosophical reason]. Moscow: Progress-Traditsiya.

15. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [The archeology of knowledge]. Translated from French. St. Petersburg: ITs "Gumanitarnaya akademiya".

16. Latur, B. (2013) *Nauka v deystvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri soobshchestva* [*Science in Action*, How to Follow *Scientists and Engineers* through Society]. Translated from English. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.

17. Delanda, M. (2015) *Philosophical Chemistry: Genealogy of a Scientific Field*. Bloomsbury Academic.

18. Dupre, J. (1995) *The Disorder of Things. Metaphysical Foundations of the Disunity of Science.* MA: Harvard University Press.

19. Meinong, A. (1981) The Theory of Objects. Translated by Isaac Levi, D.B. Terrell, and Roderick Chisholm. In: Chisholm, R. (ed.) *Realism and the Background of Phenomenology*. Atascadero, CA: Ridgeview.

20. Hume, D. (1996) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Translated from English by S.I. Tsereteli et al. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 14–84.

21. Kerimov, T.Kh. (2013) Geterologiya, odnoznachnost' bytiya i immanentnost' filosofii [Heterology, the uniqueness of being and the immanence of philosophy]. In: Kerimov, T.Kh. (ed.) *Punktuatsii: skladki vremeni* [Punctuation: folds of time]. Yekaterinburg: Ural State University.

22. Simondon, G. (2009) The Position of the Problem of Ontogenesis. *Parrhesia*. 7.

23. Deleuze, G. (1998) *Razlichie i povtorenie* [Difference and repetition.]. Translated from French. St. Petersburg: Petropolis.

24. Deleuze, G. (1998) *Logika smysla* [The logic of sense]. Moscow: Raritet; Yekaterinburg: Delovaya kniga.

25. Delanda, M. (2011) *Philosophy and Simulation: the Emergence of Synthetic Reason.* London; New York: Continuum.

26. Simondon, G. (1992) The Genesis of the Individual. In: Crary, J. & Kwinter, S. (eds) *Incorporations.* New York: Zone Books.

27. Kunin, E. (2014) *Logika sluchaya* [The logic of chance]. Moscow: Tsentrpoligraf.

28. Thom, R. (1975) Topology and linguistics. *Uspekhi matematicheskikh nauk.* 30:1 (181). pp. 199–221. (In Russian).

29. Finn, S. (2017) Metametametaphysics and Dialetheism. *Australasian Journal of Logic*. 14 (1). DOI: 10.26686/ajl.v14i1.4029

30. Deleuze, G. & Guattari, F. (1998) *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Translated from French. St. Petersburg; Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; Aleteyya.

Received: 19 January 2019